А дело было летом...

Александра Рустамовна Усманова

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

действо в четырёх явлениях с эпиграфами (четверостишие из "Песенки лиловой улицы (посвящение М.Шагалу)" Игоря Жука)

- А дело было летом…
  - Явление первое: Время не-местное
  - Явление второе: Досадная заминка
  - Явление третье: Странное знакомство
  - Явление четвёртое: Последнее

А дело было летом… (чудесная повесть в четырёх явлениях с эпиграфами)

Явление первое: Время не-местное

А Время бежало, ещё по привычке спеша…

Этот городок, радостно спешащий к морю, словно мальчишка, сбежавший с уроков, испокон веков лепился к окрестным скалам. Его узкие петляющие улочки — кое-где вымощенные камнем, кое-где покрытые рыжей пылью — сбивали с толку любого приезжего. Эти сонные улочки, напоённые покоем знойного лета, послушно ложились под ноги и вели, куда им самим заблагорассудится. Словно сказочные лесовики, они запутывали, обманывали, шутили свои шуточки и тихо смеялись, глядя на таких забавных человечков.

В этом городишке всегда пахнет яблоками, морем, солнцем, впитавшимся в каждый камушек, в каждый росточек этого города; здесь всегда шумит ветерок, смеются дети, цикады с кузнечиками выводят свои бесконечные «ррии-ррии», а вальяжные коты лениво жмурятся на солнышке. Славный городок — тихий, умиротворенный, практически незаметный.

И надо же такому случиться, что именно об него споткнулось Время, спешащее по Важным Вселенским Делам. Споткнулось, и шлёпнулось наземь, в кровь обдирая коленки с ладонями о камни, прикрытые пылью.

Время вскочило на ноги, метнулось направо, налево, крутнулось волчком и помчалось наверх, но улочка, сделав незаметный плавный изгиб, привела его прямёхонько к морю. Ещё десяток шагов, и можно будет окунуться в его зеленоватые волны. Время рванулось к воде, но улица внезапно изогнулась под ногами, и — здравствуй, "верхний город"! Кажется, до вершины можно шапкой добросить!

Но у Времени не было шапки. Вот незадача!

Несчастное, оно плутало по городу, покуда Солнце не скрылось из виду, спеша на покой, и Время в изнеможении опустилось прямо на голые камни, привалившись спиной к валуну.

Трое прохожих тихо пылили сандалиями.

— Время, — обронил первый, не останавливаясь.

— Не местное, — бросил второй.

А третий буркнул что-то среднее между:

— Что оно тут забыло?

— Делать ему, что ли, нечего?

И троица растворилась в сиреневой дымке набежавшего

сумрака.

Прошло ещё несколько дней. Растерянное Время-не-местное сидело под солнечными часами (в одной руке — колба с песочными, в другой — клепсидра) и пыталось понять хотя бы, какая эпоха стоит на дворе, не говоря уже о точной дате и времени. Дети водили вокруг него хороводы, а кошки ластились о колени и громко мурлыкали, наполняя Время новым, доселе неведомым ритмом.

Явление второе: Досадная заминка

Но было понятно уже, что уместнее — шаг…

— Вижу, сынку, тебя что-то серьёзно тревожит, — проговорил старик, прихлёбывая чай. — Ты мне скажи, авось скумекаю чегой-то, а?

Мужчине, что сидит напротив, лет пятьдесят. Он принадлежит к породе неторопливых, рассудительных, надёжных людей, которые всегда поступают по совести или по велению сердца. Они всегда кажутся невозмутимыми, разглядеть в них тревогу, беспокойство, напряжение — непросто. Но, поди ты! Старый-престарый дедок с бородой почти до пояса, длинной трубкой в зубах, ясными глазами и старинным именем Христофор, увидел метания души случайного полуночного гостя.

— Да нет, отец, всё хорошо, — сказал Пётр Иванович. — Машина сломалась, так не беда. Шофёр уже сообщил на станцию, будет подмена, а утром мы поезд нагоним.

— Нет, сынок, — прищурился дед Христофор, — меня ты не проведёшь. Вижу, стряслось таки что-то, наизнанку тебя выворачивает.

Старик пристально поглядел на Петра Ивановича и продолжил свою неторопливую речь.

— Нет, не бедокур ты. И не про работу печёшься. Там порядок. Обман? Не обманул никого, и не собирался, но может случиться. Так что же стряслось?

— Понимаешь, отец, я слово дал одному человеку, что буду ждать его, но теперь…

Он махнул рукой в сторону легковушки.

— Ага… Обещал… Скажешь про что?

Пётр Иванович на секундочку опустил глаза, словно устыдился чего-то, затем поднял взгляд на старика и заговорил.

— Машинист я. Вожу поезда. Две недели назад я ехал из дома на станцию, принимать смену. В электричке напротив меня сидела девчонка. На вид — пигалица, но смышлёная, бойкая, славная. Разговорились мы по дороге. Узнал я, что едет она на море, а вертаться будет аккурат сегодняшней ночью. Хорошо мы поговорили. Глянулась она мне, отец, а чем, даже не знаю. Может, потому что сердце у неё на месте? Вот я и спросил, какой поезд обратный, посмотрел на своё расписание, сверил, и вышло, что я буду этот поезд вести. Не всю дорогу, конечно, но всё же… И тогда я сказал, не хочет ли она постоять, так сказать, "у руля",

прокатиться вместе со мной. Ты бы видел, отец, как загорелись её глаза! Чисто мальчишка, которому предложили невиданное сокровище. Вот так и порешили, что сегодня ночью, ровно в два восемнадцать она выскочит из своего вагона, а я подхвачу. Если, конечно, не проспит.

Пётр минутку помолчал, затем покачал головой:

— Нет, эта наверняка не проспит. Вот только меня на перроне не будет.

— Обещание дал, говоришь?

— Да, договорились мы. Как положено, вдарили по рукам. А знаешь, отец, что забавно? Я даже имени её не знаю. А она — моего. Не успели друг другу сказать.

Дед Христофор задумался, расспросил, где именно Пётр Иванович должен был встретить девчонку, покачал головой и зацокал:

— Теперь не поспеть, никак не поспеть. Даже машиной.

Машинист кивнул. В уголках рта залегла печальная складка — нехорошо как выходит!

— Вот что, — промолвил старик, словно очнувшись от дрёмы, — я тебе помогу. Вижу, мужик ты хороший. Договор — его исполнять надо, коли обещал. Дам я тебе свою Зверьку, и тогда ты поспеешь. Только не гляди на неё, хорошо?

— Какой зверь, отец? Сам же сказал, что даже машиной мне не успеть! Тут разве что самолёт…

— Самолётов не держим, — степенно ответил Христофор, сверкнув глазами. — Дам тебе свою Зверьку, она поможет прибыть на станцию в срок. Уговор — не смотри на неё. Зверька моя заполошная, чуть что не по ней — не поминай лихом. А опаздывать тебе нельзя, да? Ты всё понял?

— Нет, но спасибо, отец.

Пётр Иванович выпрямился во весь рост, плотно зажмурил глаза.

— Давно бы так, — хмыкнул дед. — Ну, с богом!

Явление третье: Странное знакомство

И там, на углу улиц
Ультрамарин и Лазурь…

Почему она вдруг решила, что прогулка на катере в день отъезда — замечательная идея? Что за сумасбродство овладело ею? Зачем поддалась на уговоры знакомых ребят?

Да, теперь можно сколько угодно карать себя, только не изменить ничего. А как хорошо всё начиналось! Отпуск, долгожданное море, тихий, словно сказочный, городок. Да, много приезжих, но местные жители ещё не избалованы туристами, не делят людей на «своих» и «отдыхающих».

Прогулка по морю, гроты, пещеры, история городка, двое славных ребят Игорь и Славик — экипаж «Куража». Первое, что понравилось Нине, щелчок по носу товарищам "клиент-всегда-прав".

— На судне слово капитана — закон, — сказал Славик, пока не отдали швартовый. — Не нравиться — есть куча лодок и катеров, где хозяева не столь щепетильны. Я же отвечаю за жизнь и здоровье каждого пассажира.

Он выдержал солидную паузу, но никто не покинул «Кураж».

Затем, когда Игорь закончил свои "посмотрите направо, посмотрите налево", Нина, успевшая облазить половину окрестных гор, стала задавать вопросы. Разговорились, пошутили, посмеялись, поговорили серьёзно, и стали приятелями. Славик сперва недовольно оглядывался на помощника, но на обратном пути девушка нашла общий язык и с капитаном. Это так просто, когда любишь море, морских обитателей, годеры, парусники, хокку и танка, легенды и мифы, футбол и рыбалку…

После этой поездки Нина могла в любой момент запрыгнуть на борт «Куража», и ей там были рады.

Эх, только зачем она сделала это сегодня? Ведь вышла на берег попрощаться с морем, скалами, несколькими друзьями, а вместо этого дёрнула кататься.

Но ведь ничто не предвещало шторма. Старые морские волки и все собаки побережья, что чуяли бурю за день, были спокойны, как… как море! Будь оно всё неладно!

Катер весело бежал по волнам, и вдруг — откуда только он взялся! — шквал. Второй, третий. Пенные гребни, свинцовые тучи, что за минуту занавесили небо, дождь. «Кураж» забился в грот и встал на якорь. О да, здесь есть пресная вода, харчи можно растянуть на несколько дней, но время! Неумолимое время

бежало вперёд, круша все чаяния Нины.

Вот ведь как может случиться: случайный попутчик по дороге на море — машинист. Хороший дядька, спокойный, неторопливый, искренний. Про таких говорят — надёжный. А Нина, как в детстве была хулиганкой, так и осталась сорвиголовой, даром, что окончила институт и работает в серьёзной конторе. И потому, когда машинист предложил "постоять у руля", её сердце на секундочку остановилось, а затем пошло снова, часто и гулко гупая в рёбра.

И они пожали друг другу руки, скрепляя договорённость.

Боже, как Нина ненавидит опаздывать и нарушать слово! Она может умчаться из дому с температурой, потому что пообещала. Маме остаётся только вздыхать:

— Ох, Нинка, добегаешься ты когда-нибудь!

Когда шторм немножко утих, «Кураж» вернулся домой, а мрачная Нина поплелась на квартиру. Ей никак не успеть, даже на такси — поезд ушёл час назад.

Явление четвёртое: Последнее

Оно победило в себе торопливую дурь.

(И.Жук)

Пётр Иванович зажмурился, теряясь в догадках, что за Зверька такая, когда почувствовал на плечах нечто пушистое, практически невесомое.

— Зверька, — выпалил машинист, дивясь сам себе.

Мужчину переполнила радостная уверенность. Теперь уж точно всё будет хорошо! Зверька прикоснулась лапками к векам мужчины, а зычный голос весело спросил:

— Ты чего, Иваныч? Гони!

Руки сами метнулись вперёд, словно стоял он не на веранде затерянного степного домишки — на рабочем месте. Так и есть! Его любимая «девятка», его любимый участок пути, где можно разогнаться так, что держись!

Лицо мужчины преобразилось, проявился тот самый мальчишка, который с первого класса мечтал стать машинистом.

Ветер свистел в ушах, заглушал стук колёс; тёплые лапки Зверьки держали его веки, пушистое тело приятно грело шею и плечи. Иванычу хотелось петь.

Нина печально брела вверх по улочке, взгляд бесцельно скользил по сторонам, пока не запнулся о непонятное.

Под солнечными часами сидел человек. Абсолютно сухой, хотя весь город был вымыт до последнего камушка.

Нина посмотрела внимательнее, и удивилась ещё больше. Это был не человек.

— Эй, — сказала она, — ты кто?

— Время, — откликнулся странный незнакомец и добавил после паузы: — Не местное.

— И долго ты тут сидишь?

— Не знаю.

— Но ты же Время!

— Не местное, — устало повторило оно, а затем посветлело лицом. — Скажи, который час?

— Не знаю, — вздохнула Нина. — Часы пришлось подарить морю.

— Ну, хоть примерно!

Слёзы стояли в его глазах, и Нина не смогла отказать.

— Если тебе не надо с точностью до минуты, тогда сейчас

где-то шесть тридцать вечера; день недели — вторник; число — первое августа 2006 года от Рождества Христова. Такая информация тебя устроит?

— Устроит! Ещё как устроит!

Время вскочило на ноги и радостно заплясало вокруг девушки.

— Ты первая, кто так со мной поговорил! — радовалось оно. — Все остальные сообщали часы и минуты по своим «тикалкам»! Я бы их!

Нина печально улыбнулась и пошла своей дорогой, когда запоздалое прозрение посетило её.

— Постой, — от волнения закричала она, — так ты, правда, Время? Не врёшь?

— *Время-не-местное,* — растягивая слова, пропело Время.

— Так что же мы тебя теряем? В смысле, время теряем? Я давно должна была ехать домой, а тут эта буря! Время, миленькое, выручай!..

— Не могу, — прошептало оно, разом сникая.

Улыбка увяла, погасли смешинки в глазах, плечи ссутулились, руки опустились, голова упала на грудь.

— Я ведь не местное, я застряло тут, я не могу найти выход…

— Это же сущий пустяк! Жди меня здесь, слышишь?

Надежда творит чудеса. Нина взлетела наверх, схватила рюкзак, попрощалась с хозяйкой и вернулась к песочным часам.

— Фух, ты ещё здесь! Руку!

Время, как зачарованное, глянуло на уверенное лицо девушки, загорелую, исцарапанную руку, сильную ладонь, и робко вложило в неё свои пальцы.

Хватка у Нины отменная, шаг — широкий, и бедное Время едва поспевает.

— Вот и все! Проще простого! — сказал Нина.

Счастливое Время никак не могло отдышаться, а потому заговорило минут через пять.

— Держись, — сказало оно. — А ещё лучше — закрой глаза.

Нина послушалась. Вроде бы что-то щёлкнуло. Девушка открыла глаза… Да ведь она в поезде! И он только-только собирается отправляться.

Рюкзак — на третью полку, самой — на вторую. А Время шепчет:

— Глаза закрывай!

Нина слушается. Щелчок. Ночь, два пятнадцать. Вот так перескочили! Тихонько, чтобы не разбудить соседей, Нина идет по вагону и замирает в тамбуре.

Что сейчас будет!

Зверька отняла лапки от глаз машиниста, он открыл глаза. Чудеса, да и только! Вокзал, но пушистое тельце по-прежнему греет шею — Зверька не умчалась назад к старику.

— Иваныч! Петро! Вот уж не ждали! Каким ветром?

— Попутным.

— Ну, молоток. За работу?

— Конечно!

Вокзальные часы метнули стрелку вперёд.

Два восемнадцать.

Мужчина, девчонка, Зверька и Время встретились на перроне.

— Пошли, что ли? — говорит машинист.

— Ага, — кивает девчонка.

Нина во все глаза глядит прямо перед собою. Красота! Зверька касается висков Ивановича, Время берёт за руку девушку, и всё начинает неуловимо меняться.

Время поднимает руку вверх, хватает за ручку, тянет, и паровоз пронзительно свистит.

Стучат колёса, ревёт огонь в топке, лопата неутомимо подкармливает его углём.

Нина, Пётр Иванович и даже Зверька дают по свистку. Волшебная ночь продолжается и продолжается, неся в себе старинный локомотив с угольным тендером и вагонами, в которых спят такие разные люди. И только самым заядлым романтикам сниться, что они кричат друг другу чуть ли не в ухо, чтобы перекрыть голос топки, и на всех парах ведут паровоз через степь, прямо к звёздам.